

Павел МАКАРОВ

Протулки по Одессе. И Одесской области!

Юмористические зарисовки
из одесской жизни

Павел Макаров

**Прогулки по Одессе. И Одесской
области! Юмористические
зарисовки из одесской жизни**

«Издательские решения»

Макаров П.

Прогулки по Одессе. И Одесской области! Юмористические зарисовки из одесской жизни / П. Макаров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906258-1

В легких, юмористических зарисовках автор, коренной одессит, передает аромат удивительного города — Одессы, а также одесского региона, делится ироничными воспоминаниями о том, какая была Одесса раньше, как она меняется, но, несмотря на все катаклизмы и перемены, все равно остается той самой Одессой, городом, воспетым классиками, где живут самые информированные оптимисты и самые скромные юмористы во всем мире.

ISBN 978-5-44-906258-1

© Макаров П.
© Издательские решения

Содержание

ОТ АВТОРА	6
ПРОГУЛКИ ПО ОДЕССЕ	8
СТАНСЫ ПО ОДЕССЕ	8
Идеальный маршрут	8
Одесская мечта	11
Купленный город	12
Не все так плохо	13
Особенности одесского бизнеса	13
Закон одесской конкуренции	14
Мэры и губернаторы	15
Фонтан	16
Черемушки – лучший район города	17
Дружный класс	18
Поселок Котовского	18
Молдаванка	19
Радиалка	19
Одесса в иммиграции	22
ЧМП	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Прогулки по Одессе. И Одесской области! Юмористические зарисовки из одесской жизни

Павел Макаров

© Павел Макаров, 2018

ISBN 978-5-4490-6258-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОТ АВТОРА

Прежде, чем грузить читателя своей гениальностью и прозорливостью, сразу хочу предупредить, если во время чтения вы услышите какой-то шум, то это шумит не у вас в ушах, и не за окном, а просто, когда я писал эту книгу, мои соседи делали ремонт, а как человеку бедному, податься в более тихое место мне было некуда, поэтому шум, который вы может быть услышите, это шум перфоратора, который сопровождал практически весь процесс написания книги. Этот же перфоратор виновен и в очевидных литературных недостатках этого опуса. Нет, я гений, конечно, как и все пишущие, и раскрылся бы во всей красе, но, попробуйте творить, когда за стеной у соседа идет ремонт, который заглушает все звуки, даже звуки взлетающих самолетов.

Ну, поехали дальше. Теперь, когда вы почти все знаете, давайте посмотрим на этих людей. Кто эти люди?

Чаще летом, иногда зимой они рыщут по улицам нашего города, заглядывают в подворотни, осматривают снизу крыши домов, пристально вглядываются в каждого встречного. Иногда это командированные за два часа до уходящего на Киев фирменного «Черноморца», спешно, в поисках экзотики, заглядывают в привокзальные переходы и пытаются в носильщике с каменным лицом вычислить типичного одессита.

Что они ищут? Они ищут легенду. Легенда называется «Одесса». Им обещали зрелище, если они только приедут, так вот они приехали и хотят его получить. Они ищут и смотрят, и задают себе этот вопрос «Та эта Одесса или не та?».

А может это и есть тот самый «гулкий каменный двор», в котором жив еще одесский дух, а этот чернявый парень, наверно, одессит в четвертом поколении, как заложит какую-нибудь тираду в одесском стиле, что еще неделю потом в Киеве можно будет ее пересказывать, пережевывать, как я там «чисто» в Одессе «отрывался». Но что-то подворотни как-то закрыты наглухо, а чернявые парни молча проходят мимо, пряча глаза, и все тот же вопрос повисает в воздухе.

Летние туристы уже и вовсе не задаются этим вопросом. Многие из них и не помнят, как во времена Советского Союза от слова «Одесса» всегда веяло чем-то несерьезным и несоветским. Летний турист на море весь день, а там одесситов нет по определению. Море теплое, солнце жаркое, хамство приемлемое, сервис доступный. А дни отпуска бегут быстро, так что не до поисков «настоящей Одессы».

Да, разреженным немного стал воздух. Слегка. А я помню еще, как много было на всех углах, во всех учреждениях типичных одесских хохмачей, из любой ситуации, как старатель из каждого килограмма песка, пытавшихся извлечь крупички юмора. Да, были времена. Сейчас эти еврей-хохмачи и нееврей-нехохмачи расползлись по всему миру. Сейчас типичный одесский юмор скорее можно услышать в вагонах международных поездов, в очереди на паспортный контроль на рейс, вылетающий куда-нибудь в Нью-Йорк или в Сидней, или хотя бы в Тель-Авив.

Да, я и по себе сужу. В житейских ситуациях, когда я раньше завелся бы и начал острить, сейчас я предпочитаю чаще послать оппонента подальше и попроще, чтоб он четко понял, куда и как быстро ему нужно идти.

Так что стало с Одессой? Жива ли она еще? И куда идти тому чудаковатому гостю города-героя, который начитался всех этих знаменитых писателей, и прибыл лично в наш город, чтобы увидеть восьмое чудо света?

Спешу обрадовать читателя, что ответов на эти вопросы у меня нету, не было и никогда не будет.

А пишу я этот душеводитель по Одессе единственно с целью оказать посильную помощь нашему гостю, приехавшему со своей великой мечтой в наш все-таки чудесный город. Чтоб свесив ноги со своей законной верхней полки в третьем купе восьмого вагона лучшего в мире фирменного поезда «Черноморец», проезжая мимо Второй Заставы, он мило бы улыбнулся, прощаясь с нашим незабываемым городом.

ПРОГУЛКИ ПО ОДЕССЕ

Часть 1

СТАНСЫ ПО ОДЕССЕ

Идеальный маршрут

Раз вы приехали в Одессу, то первое, что нужно знать – это идеальный маршрут. Да, он существует! Причем он может меняться в зависимости от начала этого самого маршрута! Но, внимание, он не зависит от времени года! Идя строго по идеальному маршруту, вы впитываете в себя наибольшее количества одесского воздуха, и в большей степени приобщаетесь к святому одесскому духу.

Итак, начнем от вокзала, куда и прибывают в основном страждущие. Строго, очень строго по Пушкинской (моя мама когда-то по ней ходила в школу, вполне возможно еще найти следы), по левой стороне, никуда не сворачивая, и упаси бог перейти на правую. Так следуем до улицы Греческой (бывшая Карла Либкнехта, на ней, кстати, жили мои родственники), где, не пересекая улицу Греческую, поворачиваем налево, прощаемся с Пушкинской, и следуем прямо два квартала до улицы Екатерининской (бывшая Карла Маркса), где опять же не пересекая ее (очень важно!), пересекаем, поворачивая направо, улицу Греческую. Кстати тем самым мы проходим через перекресток, который назывался раньше Два Карла. Идем прямо по улице Екатерининской, проходим один квартал, смотря при этом все время налево. Там есть интересное место, например, вот это – однажды там у меня угнали машину. Об этом потом, вы идете-то пешком. Тут мы доходим до святой святых, улицы Дерибасовской, останавливаемся на 84 секунды и осматриваем ее в обе стороны. Да, это она, главная улица Северного полушария, квинтэссенция ну просто всего, что у нас есть. Сейчас здесь очень много кафе и ресторанов, и здесь был справлен не один юбилей. Даже мой дядя из Нью-Йорка приезжал сюда отметить свое 70-летие. Но и об этом потом. И не будем сейчас долго задерживаться на Дерибасовской, на 85 секунде следуем дальше по Екатерининской, пересекаем улицу Ланжероновскую. Направо – Оперный, налево – Горсад, но мы не сворачиваем, а прямо до площади опять же Екатерининской (бывшая – Потемкинцев). Тут вы уже можете спросить, а что это мы одесситы, так Катюку-то любим? Да, как-то так, она как бы и придумала Одессу, и имя по преданию ей дала. Ну, и женщина, а Одесса – женского рода. И самое главное, – она основала наш город не где-нибудь, а в Украине, а ведь могла где-то в Новороссийске, и мы бы сейчас мучались. Но она прозорливая была, Катюха, за это ей одесситы и поставили памятник. Ну, дальше, уже скоро. Екатерининская площадь – очень притягательное место, виден даже Дюк, но мы не задерживаемся, переходим на левую сторону и, минуя школу Столярского (я здесь не учился), идем по Сабанееву мосту. И вот оно одно из самых одесских мест! Только здесь! Посмотрите налево, посмотрите направо (там вдали Тешин мост), впереди улица Гоголя, а правее домик графа Толстого, ныне дом ученых. Какие там залы! Ну а дальше все просто, направо по Гоголя, проплываем мимо атлантов, выходим на бульвар с панорамой на порт и море, слева остается шахский дворец (после шаха там было культпросветучилище, а сейчас банк). Поворачиваем направо, дефилируем через Тешин мост (который вы уже видели), не пропускаем ничего из того, что делается в Одесском порту, и подходим ко дворцу графа Воронцова (когда-то дворец пионеров) и колоннаде в греческом стиле. Обходим слева отреставрированное здание (а вправо уходит знаменитый Краснофлотский, он же Воронцовский переулок, но как-то

вы сами потом туда) и мы на Приморском бульваре! Подустали, но потерпите, осталось совсем немного. Давайте создадим легенду. Ну, посчитайте, например, какова длина Приморского бульвара. Сколько ваших шагов нужно сделать, чтоб пройти его от памятника до памятника. Зачем считать шаги? Вы посчитайте, я вам потом скажу, зачем. Вы дело делаете, вы зачем приехали? Итак, все красоты Одессы раскрываются перед вами, когда вы отсчитываете свой марш, панорама Морвокзала, полукруглые здания, памятник Дюку, чуть поодаль уже пройденная Екатерининская площадь, и лестница! Та самая, знаменитая! Вы еще успеете туда, не сбивайтесь с ритма. Мимо гостиницы «Лондонская», избегая взгляда Александра Сергеевича, вы видите – одно из самых красивых зданий – это мэрия. Все, стоп. Вы в самом центре, в средоточии власти, истории и духа. Справа оперный, слева археологический, внизу когда-то было парокhodство, а прямо все та же Пушкинская. Здесь вы можете расслабиться, не спеша прогуляться к оперному, посмотреть в сторону Ришельевской, посидеть на Дерibasовской. Что-то может и услышите.

Да, так сколько у вас получилось шагов? Раскрою секрет, до вас я проделал эту операцию, у меня получилось семьсот, от памятника до памятника. Семьсот – это не магическое число, просто каждый шаг что-то значит. На каждом шаге вы можете подумать о чем-то очень важном, и оно сбудется. Вы пройдете бульвар, подсчитаете шаги, и у вас будет жизненный план, что когда и зачем нужно сделать. И вы это сделаете. Если, когда вы считали шаги, вы не думали о самом важном, не беда – пройдите по Приморскому бульвару еще раз. И почитайте стихотворение, которое так и называется – «Приморский бульвар»:

Бульвар Приморский в лунном свете,
В июньский предрассветный час.
Морской, любезный теплый ветер,
И неба обозримый глаз.

Всего лишь тысяча шагов.
Настрой щемящей прошлой славы,
И Пушкина нас манит зов
В любви прочитанные главы.

Твой вечный свет, надежды гений,
Спасет блуждающих сынов,
Когда от суетных решений,
Когда от праздности оков.

Шаги, шаги воспоминаний...
Рубцы неопытных терзаний
Тревожат пыль душевных сил.
Кто безответно не любил?..

Смотрю назад, мой жаден взгляд,
Как будто, все иначе видит.
Всей глубины едва осилит,
Внимая таинства парад.

Все – фон моих желанных чувств,
Волнений, бурь, успокоенья.

Цинизма зуд, души моленье,
Триумф играющих искусств.

Жизнь – это тысяча шагов,
Больших, скупых, отважных, робких.
Пустых, занятных, праздных, емких.
Жизнь – это тысяча стихов,
Простых, душевных, жарких, громких...

И снова предрассветный час,
Бульвар прекрасен в лунном свете,
Он вечен, праздничен и светел,
Он полон чар, игры и снов.
Со мной играет жизни ветер,
И у меня, в священном месте,
Есть снова тысяча шагов.

Красиво! То-то. Заканчиваем идеальный маршрут следующим образом – огибаем оперный (заглядывая на секунду внутрь, – какая красота!), и попадаем в Пале-Рояль. Кто не знает, что такое Пале-Рояль, там спросите, вам расскажут. Проходим Пале-Рояль наискосок, мимо фонтанчика, проходим арку и мы снова на Ланжероновской угол Екатерининской. Мы тут уже были! По Ланжероновской (по левой стороне) идем один квартал и попадаем в Горсад и оказываемся снова на Дерибасовской! По сути, тут конец маршрута. Нет, в Одессе еще полно мест, хотя бы та же Соборка. Зайдите еще туда, она рядом. Но можете уже тут остановиться, посидеть на лавочке.

Вы можете спросить, а зачем нужен этот маршрут, почему нельзя просто погулять по городу. Да можно, конечно. Но вы же спросили меня, а я одессит, а одессит не может просто сказать – пройдите к морю, одессит должен обязательно точно указать куда и как идти. Еще, скорее всего, он Вас туда проведет, чтоб вы, не дай бог, не прошли мимо его любимого места. У каждого одессита есть свои любимые места, и все их вам придется посетить. Не пугайтесь только, сколько той Одессы – три улицы и два перекрестка, Одесса – маленький провинциальный городок у моря, это не Киев и не Москва, здесь все ходят пешком, и ехать никуда практически не надо. Насчет одесских расстояний я еще опишусь позже. Только один момент, я вот сказал – провинциальный, я имею право, а вам так лучше не говорить. Потому что если вы скажите это мне, я с вами не соглашусь. А если скажете другому одесситу, то вам придется три часа слушать, почему Одесса лучше Санкт-Петербурга, и насколько в Одессе больше интересных мест. Вообще, с одесситом лучше не спорить, сразу со всем соглашайтесь, при этом широко улыбаясь. И чаще улыбайтесь, одесситы это любят. А лучше всего, чтобы улыбка вообще не сходила с вашего лица, так продуктивнее искать легенду.

По ходу дела, вы уже знаете одну из черт настоящего одессита – одессит любит водить гостей в конкретные места, он не просто показывает дорогу, он хочет убедиться, что вы пойдете именно туда, куда надо, и не пропустите то, чего пропустить не надо. Поэтому одессит так долго, в пределах получаса, будет объяснять вам, как пройти на Дерибасовскую, и после того, как эти полчаса истекут, сам же вас туда и проведет.

Вообще, если вы приехали в Одессу и ищите Легенду, то чаще спрашивайте на улицах, куда и как пройти. Даже если знаете куда. Вам воздастся. Сделав шесть неудачных попыток,

на седьмой вы нарветесь на настоящего одессита. До отъезда евреев это соотношение было гораздо лучше: три к одному.

Спрашивайте не только как пройти, но где можно поесть, скупаться, скупиться, напиться и т. п. Часто бывает так, что одессит отвечает вам на своем одесском языке, а вы начинаете смеяться. При этом типичный одессит не может понять, что вызывает ваш смех. Я как-то раз сам попал в такую ситуацию: компания молодых людей, явно приезжие, две девушки, два мальчика, все как положено, спрашивают меня недалеко от вокзала:

«Где здесь можно покушать?»

Я, как обычный одессит, отвечаю вопросом на вопрос, причем задаю самый естественный: «Вам подешевле или подороже?».

Они начинают смеяться. Я до сих пор, хоть убей, не могу понять причины их смеха. Может вы мне объясните?

Летом вы можете сократить число попыток встретить настоящего одессита. Вспомните, я вам уже говорил, настоящие одесситы на море не ходят. А что это значит? Они – белые! Приглядывайтесь к прохожим, пропускайте всех загорелых, и если увидели белого – о, это стопроцентный одессит. Нет, он любит море, он даже там бывает. Рано утром, когда приезжие еще спят, а солнце только проснулось. Если даже он пойдет днем, то не будет стоять на пляже высунув язык, а быстро искупается и тут же уйдет. Одессит не будет лежать на море на пузе целый день, ему этого моря и так достаточно.

Теперь после такого лирического и легкого вступления займемся серьезным делом – поговорим за Одессу.

Одесская мечта

О чем мечтает мальчик, настоящий одессит. О том, что он вырастет, заработает миллиард долларов, и начнет после этого тратить все для города, все только для города, для любимого города, сделает много доброго и хорошего. И был бы наш город цветущим, и не падали бы в нем старинные здания, но, к сожалению, происходит заминка. Мальчику удается заработать 999 миллионов 990 тысяч долларов, а вот с последними десятью тысяч – заминка, никак не удаются. И, кажется, вот-вот еще десять тысяч, и вот она мечта, и можно начинать тратить все, просто все на любимый город. Но, нет, последние десять тысяч никак не удается заработать. Ни в какую. Причем, так у всех. Просто беда. И из-за этих злосчастных десяти тысячей рушатся здания в нашем городе, отлетает штукатурка. Заколдованное какое-то число – 999 миллионов 990 тысяч долларов. Может, кто знает хорошего колдуна для расколдовки? Одессе мало денег.

Чтобы хорошо жить в Одессе и наслаждаться званием одессита, нужны деньги. Это такая особенность Одессы. В других городах люди уже давно перестали думать о материальном, живут духовными ценностями, а одесситу сначала нужно подзаработать, а уже потом творить и наслаждаться. Как заработать? Об этом начинает думать каждый одессит, достигший возраста десяти лет. К восемнадцати годам он начинает понимать, что если бы каждый одессит скинулся бы по рублю, т.е. по гривне, а лучше – по доллару, то он имел бы ровно один миллион долларов. Для старта неплохо. И согласитесь, один доллар для человека не так-то много, вполне можно было бы с ним расстаться на благое дело. Но тут появляется загвоздка – как собрать с каждого по одному доллару? Одесситы же все время заняты. Не давать же объявление в газете «Прошу всех такого-то числа с девяти до пятнадцати подойти на Дерибасовскую, угол Ришельевской. При себе иметь один доллар». Сколько человек придет? Эти одесситы такие тяжелые на подъем. Вот тут во всей своей суровой неизбежности встает проблема – собрать со всех по доллару очень нелегко. На это может уйти вся жизнь. А как бы здорово жилось

в нашем городе, если бы каждый сбросился бы каждому по одному доллару! Сейчас бы мы жили в супербогатом городе, где каждый одессит – миллионер. Одессе мало денег.

Купленный город

Меня иногда спрашивают приезжие, если Одесса – такой расчудесный город, то почему из него уехало так много людей? Действительно, из Одессы уехало две Одессы. Одна из причин – вокруг слишком много умных людей. А разбогатеть можно только если ты умный среди дураков. А в Одессе дураков нет. Поскольку жизненный успех связан с умением собрать со всех по доллару, то в Одессе все этим и занимаются. Но давайте скажем правду в глаза, если каждый возьмет у каждого по доллару, то ни у кого ничего не прибавится. Вам это сложно понять, но поверьте мне, это так, я изучал в институте матстатистику. Вторая причина: Одесса – купленный город. Это город, который купили. Кто купил, и как это можно купить целый город, я вам объяснить не смогу. Даже не спрашивайте. Могу рассказать одну историю. Хотите?

У меня был друг Эдик, очень прыткий. Настоящий одессит. Во что он только не влазил, чем только не занимался. Хотел немного денег заработать. И получал по шапке неоднократно. Вот как-то в начале 90-х решил он заняться бункеровкой. Кто не знает, что это такое, объясню. В Одессе есть порт, хорошее место, золотое место, золотое дно. Поверьте, если бы у вас был хотя бы один приватизированный метр причала, вы попали бы в список «Форбс». В порту швартуются суда со всей планеты. Этим судам нужно много всего, в том числе такая малость, как топливо, дизель. Заправкой судов топливом занимаются «бункеровщики» – специальные суда. А процесс заправки называется бункеровкой. И как-то мой друг влез в это дело, кто-то там в небесной канцелярии чего-то недосмотрел, и Эдик стал бункеровать первое судно. Он сам лично присутствовал при этом священнодействии. Ему мечталось, что свой путь до состояния Рокфеллера он пройдет в два раза быстрее самого Рокфеллера. А что, для этого бизнеса – бункеровки, это вполне реально. Но в небесной канцелярии опомнились раньше, чем Эдик успел обогнать Рокфеллера. Еще не закончился процесс перекачки топлива, как на причале появились две черные «Волги». Рабочие на них не обратили внимания, к таким вещам они были привыкли, но Эдик заволновался. Из машины вышел человек в темных очках с характерной внешностью и взглядом, не терпящим возражений. «Эдуард Николаевич, проедемте с нами», – сказал он твердо. Отказаться было нельзя. Эдика привезли во всем известный огромный дом на улице Еврейской. Его вели долгими гулкими коридорами, потом зачем-то спустились в подвал. Прошли через одну решетку, вторую. Там у человека в очках был кабинет. Что переживал в душе Эдик, думаю, говорить лишний раз не стоит. Эдику предложили сесть, человек в очках сел напротив него.

«Ты чьих будешь?» – спросил он Эдика после некоторой паузы.

Эдик не ответил. Ему нечего было сказать, и говорить ему было тяжело, так у него все пересохло в горле. Человек в очках раскрыл какую-то папку.

«Эдуард Николаевич, у вас так все хорошо, мама добрая, ветеран труда, жена с высшим образованием, увлекается флористикой, сын у вас недавно родился, кесарево сечение, у сына ацетон, нужна диета, любовница у вас блондинка шикарная, четырнадцатого мая сделала операцию по увеличению груди, ей поставили текстурированные имплантанты каплевидной формы, то есть все так прекрасно, так скажите, зачем вам *все* это надо?» – снова спросил человек в очках.

Эдик снова не ответил, его душа ушла в пятки. Он понял «*все*» и ответ был написан у него на лице.

«Ну, хорошо – смягчился человек в очках, – я вижу, вы все поняли. Ну, ладно, это судно еще дозаправьте, и *все*». Человек в очках встал, давая понять, что аудиенция окончена. Тут у Эдика прорезался голос:

- А можно задать один вопрос? – отчаянно спросил он.
- Можно, – ответил человек в очках, – но только один.
- Почему? – задал по-детски наивный вопрос Эдик.
- Вы не свой, – был ответ.
- Как стать своим? – Эдик превысил выделенный ему лимит вопросов.
- Это не ко мне, – ответил человек в очках.

Эдик заправил первое и единственное в жизни судно, и больше бункеровкой не занимался. А вскоре он уехал. Поэтому и уезжают из Одессы люди. Они заправляют свое судно, а потом быстро понимают, что пора ехать.

Не все так плохо

Но не все так плохо. Вот в последнее время в Одессе стало очень много нотариальных контор. Они есть практически в каждом жилом доме. А что делать? Людям нужны деньги. Но я не против, я за. Нотариальная контора в твоём доме – это очень удобно. Утром встал, помылся, побрился, позавтракал, оделся, совершил очередные нотариальные действия и пошел на работу. Очень удобно. Одессе мало денег.

А еще в Одессе на каждом углу стоматкабинеты. В результате чего зубы одесситов находятся в блестящем состоянии. Такое число стоматологических услуг объясняется очень просто – каждый год одесский медуниверситет выпускает 175 стоматологов. Некоторые уезжают, но большинство остается в нашем прекрасном городе, и каждый год появляется около ста пятидесяти новых кабинетов. Так что очень скоро на каждого жителя будет по два стоматолога. Про парикмахерские, теперь они называются салонами красоты, я рассказывать не буду. О них до меня уже рассказали классики. Одессе мало денег.

Особенности одесского бизнеса

У меня был бизнес-партнер. Очень хороший. Обороты были большие. Бывало, приезжаешь к нему в понедельник за деньгами. А он говорит – у православных в понедельник не рассчитываются. И в воскресенье, кстати, тоже – работать нельзя. Я его спрашиваю, «а ты православный»? «А как же», – отвечает, – «по папиной маме». Ну, хорошо, говорю, я приеду в пятницу. А он говорит – «в пятницу – День Джума, нельзя, у мусульман молитва». «А ты с какого боку мусульманин», – спрашиваю. «По маминому папе, а в субботу у меня шабат. Это по маминому дедушке». «А буддистов у тебя в семье нет?». «Есть», – отвечает. Хорошо, что в неделе аж семь дней, и есть вторник, среда, четверг.

Вообще партнеры были у меня разные. Я несколько лет снабжал жвачкой, пивом, потом сигаретами, а затем стиральными порошками одесские магазины. Я видел, как они росли, размножались, некоторые закрывались. Национально-правовой статус капитала в одесском розничном бизнесе следующий: украинско-русский публичный, армянский закрытый акционерный и еврейский частный капитал. Со всеми работать было одно удовольствие. Мелкий и средний бизнес в Одессе предельно честный. Я никогда ни с кем не заключал никаких договоров и меня ни разу не кинули. Затягивали с оплатой, – это да, но такого, чтобы не рассчитались, – не было. Может мне повезло, но я думаю, что мелкие суммы в Одессе никого не интересуют – ни воров, ни пожарников, ни налоговую. Чего мараться из-за каких-то пятисот долларов? Вот украсть миллион – это да, это дело. За это будет уважение и почет, а какой смысл красть пятьсот долларов, потом вся Одесса будет смеяться. Но национальные особенности накладывали определенный отпечаток на ведение бизнеса. Например, делая бизнес с еврейским частным капиталом, совсем неплохо было в разговоре вернуть, что у тебя полгорода – родственники – евреи, а ты сам даже проходил бар-мицву. А если это вызывало сомнения,

то тут же это и доказать. А в одном из еврейских магазинов произошел вообще комический случай: хозяева сами вычислили, что у меня есть еврейская кровь, хотя у меня русская фамилия и на еврея я никак не похож. Причем они даже примерно сказали, сколько во мне этой самой правильной в мире крови. Когда я спросил у них, а как они догадались, ответ был такой: «По работе видно, что ты еврей».

Самое сложное было приноровиться к особенностям армянского закрытого кланового бизнеса. Тут очень важно было держать нос по ветру, и не ошибаться в ценах. Все армянские магазины, от поселка Котовского до Таирова должны получать товар по одной цене. Не дай бог кому-то дать на копейку дешевле! Что тут начиналось. «Вай, ты ему дал лючше цену, пачему? Ми, што плехо работаем?». У армян, живущих в Одессе, есть какой-то свой телеграф, который разносит новости. Я ошибся только один раз, ну не учили меня в советской школе, как работать с армянами. Зато потом провел работу над ошибками, и все армяне получали товар по одной цене.

У украинско-русского бизнеса была одна основная особенность – у них не было денег. Приходилось ездить по несколько раз и слушать трагические истории, что «сегодня не было выторга и заедь завтра». Но к чести братьев-славян все они в итоге рассчитались.

Закон одесской конкуренции

Вообще, чтобы делать бизнес в Одессе, нужно знать закон одесской конкуренции. Заключается он в том, что любой прибыльный бизнес в Одессе поедает сам себя и очень быстро становится неприбыльным. Если кто-то нашел какую-то нишу делать деньги, то в эту нишу устремляется сразу тысяча человек, и делать деньги становится в ней невозможным – слишком тесно. Единственный способ вести бизнес долго – ничего не зарабатывать, или зарабатывать очень мало, чтобы это никому не было интересно. И еще важно никому ничего не рассказывать. У нормального одессита всегда должен быть кислый вид – «ты ж понимаешь, сейчас всем трудно». Проблема в том, что одесситы чересчур умные и не верят человеку, который говорит, что он бедствует, если он при этом ездит на джипе и отдыхает исключительно на Сейшельских островах.

Я раньше удивлялся, почему моя мама ходит по Привозу с поджатыми губами, и у нее всегда кислое выражение лица, когда она пробует продукцию. Хотя после того как мы отходим от прилавка, говорит – «хорошую брынзочку мы купили». А потом я заметил, что так делают все одесские хозяйки. Если ты скажешь продавщице комплимент про ее товар, цена сразу вырастет. Все эти тонкости не понять сразу, нужно в этом пожить.

Только одессит может одновременно и похвастаться своей жизнью, и пожаловаться на нее, а его собеседник при этом его сразу поймет, и сделает вид, что не догадался о скрытой правде, которую хотел утаить говорящий. Кто-то когда-то открыл первый комиссионный, и через два года все подвалы в Одессе стали комиссионками. Потом кто-то догадался, светлая у него была голова, что спускаться в подвал неудобно, и открыл комиссионку на первом этаже, и через два года все комиссионки перебрались из подвалов на первый этаж.

Как-то я встретил свою знакомую, покалякали, то да се. Спрашиваю ее, чем занимаешься. Она так с опаской отвечает, что работаю маклером по аренде квартир. Я ей говорю, расскажи, интересно. А она с меня берет слово, что я не начну сам этим заниматься. Оказывается, она как-то своей подруге рассказала, и та сама пошла в маклеры. Я пообещал, что не буду, выслушал рассказ, а потом пошутил, что обязательно начну. Моя знакомая спала с лица, вся пожелтела, чуть сознание не потеряла, мне пришлось ее успокаивать, отпаивать чаем, говорить, что это шутка. Хотя, почему бы не заняться?

Кто-то первый в Одессе стал делать металлопластиковые окна, это было суперприбыльно, и сегодня мы имеем только официальных цехов двести штук, а еще минимум столько же разбросано по гаражам и частному сектору. Их может быть и больше, только кто ж сосчитает?

В Николаеве человек делает окна, николаевцы ходят к нему и покупают, и никому из них не приходит в голову, что можно начать делать окна самому. И человек занимается бизнесом год, два, десять, практически ничего не меняя. А чтобы получить какое-то разрешение у власти, он приглашает николаевского чиновника в ресторан, и решает с ним все вопросы бесплатно после третьей рюмки и салата оливье! Скажите, такое возможно в Одессе? Некоторые одесские бизнесмены стали настолько умными, что они, продолжая жить в Одессе, свой бизнес переносят в Николаев. Хорошо устроились. А некоторые николаевские бизнесмены, оставляя бизнес в Николаеве, переезжают жить в Одессу. Их всех стало так много, что пора выпускать газету: «Одесская жизнь. Как там наши дела в Николаеве?»

Одессе мало денег.

Мэры и губернаторы

Ты идешь, гость нашего города, по нашей Одессе, и часто видишь на памятниках, зданиях, а иногда прямо на заборе загадочную надпись – «под патронатом губернатора». Что это значит? Я не сразу тебе это объясню, что это значит. То ли губернатор за это заплатил, то ли ему заплатили. Скорее последнее. Или это как-то с патронами связано? А давай привлечем наши знания по математической логике из высшей школы. Разве ты не изучал всякие там интегралы и первообразные? Будем мыслить логически. Итак, есть нечто очень важное и полезное, что можно сделать для нашего города. Например, открыть больницу, детскую площадку или поставить памятник. И сделать это было бы легко, если бы не некие темные, ужасные, дремучие силы, которые поселились в нашем городе и мешают делать добро. И, кажется, что эти дремучие силы уже полностью властвуют и демонически смеются над нами. И тут вперед, на авансцену, выходит отважный боец-одиночка, наш одесский «брюс ли», одесский ниндзя – губернатор. Неимоверным напряжением воли, сверхусилиями, космическими приемами он раскидывает дремучие силы, врагов народа, и появляется новая больница, детская площадка или памятник. И благодарные современники пишут – «под патронатом губернатора». Ибо если бы не этот сверхгерой – губернатор, то ничего бы и не было. Кажется, так?

Мы ходим по улицам нашего прекрасного города. Как называются эти улицы? Ланжероновская, Дерibasовская, Маразлиевская, Ришельевская. Кто были все эти люди, Ланжерон, Де Рибас, Маразли и Ришелье? Они были градоначальниками, управителями Одессы. Одесситы помнят их за добрые дела. А наверно, при жизни они были ершистыми, непростыми ребятами. И современникам от них доставалось. И многие их не любили, а некоторые может даже ненавидели. Сколько воды утекло. А поди ж – все забылось, и вот тебе – улицы названы. Я вот подумал, пройдет лет сто, и будет наш потомок одессит идти по любимому городу. И будет он идти по улице... Гурвица, а потом свернет и пройдет по улице Боделана. А может быть, я вот недавно проезжал по улице Ильфа и Петрова, будет в нашем городе улица Гурвица и... Боделана.

Но если серьезно, Одессе нужен хороший руководитель. Я проводил серьезные научные исследования и пришел к выводу, что есть всего три типа руководителя:

Первый тип – вор.

Второй тип – вор, который думает о деле.

Третий тип – дурак.

Лично я предпочитаю дураков, но таких, как я, – меньшинство. А я очень бы хотел увидеть в кресле мэра или губернатора дурака. Давайте выберем дурака!

Фонтан

Какой он Фонтан сейчас, и какой он был? Раньше на Фонтане жили простые советские люди. Эти люди выезжали на дачу на все лето и с ними прощались, как с уехавшими в эвакуацию. «А где Шмулькович?» – «Так он на даче» – «Аа, понятно, тогда только в сентябре». Мобильных телефонов не было, на дачах телефонов тоже не было, разве что у какого профессора. Впрочем, Шмулькович иногда давал о себе знать. Он выстаивал сумасшедшую очередь возле единственного на весь Фонтан телефона-автомата и раз в месяц дозванивался соседке: «Тетя Лиза, вы полили цветочки?».

О том, чтобы поехать домой и полить самому, не могло быть и речи – Фонтан, это было так далеко, ехать полдня с двумя пересадками.

А как люди жили на Фонтане? Домики на Фонтане были совсем маленькие, не такие как сейчас. Раньше не полагалось иметь большой дом. Был однокомнатный деревянный домик с верандой, кухня под каштаном, туалет за акацией. В этом домике жили хозяева с двумя детьми, сестра мужа со своим мужем и двумя детьми, брат жены со своей женой и двумя детьми, двоюродная сестра мужа со своим мужем и своими двумя детьми. По-моему, я никого не забыл, хотя кто-то был еще, просто я не помню. Это не считая гостей – друзей, которые приезжали на субботу-воскресенье. Где все спали – хоть убей не знаю, но помню точно, что у каждого было свое одно спальное место. И никто никому не мешал. Но было весело, всем было хорошо, потому что тогда *все так жили*. Жить как все, не хуже других, – это и есть счастье. А сейчас на Фонтане в доме площадью двести квадратных метров живут муж с женой. Детей у них нет, потому что они никак не могут встретиться. В будние дни они на работе, а в субботу и воскресенье они ходят по дому и ищут друг друга. Все общение у них происходит по мобильному телефону. «Дорогой, ты опять в подвале, что-то тебя плохо слышно, дорогой где ты?»

Заборов раньше, по сути, не было, были живые изгороди из высоких кустов. За кустами ничего не было видно, но все было слышно. И все были в курсе всего. Кто с кем ругается, кто поздно пришел, кто кого ревнует. Можно было переговариваться, не ходя в гости. Но зато какой был воздух, какой был свежий фонтанский воздух-сквознячок, за этот воздух все можно было простить и все отдать. Только на Фонтане в городе можно было спрятаться от нестерпимой асфальтовой жары.

А сейчас? Как-то приехала моя хорошая знакомая из Америки, они давно уехали, когда-то у них на 13-й Фонтана была дача, которую они продали, я там у них часто бывал в гостях. Ну и говорит, давай поедem, посмотрим, как там наша дача. Все началось с того, что я никак не мог понять, где тот въезд, по которому я въезжал раньше столько раз. Наконец мы нашли его, въехали. На месте, где двадцать лет назад была маленькая полянка, от которой расходились дорожки между зеленых кустов, оказалась асфальтовая площадка, а вместо кустов со всех сторон были трехметровые заборы. В одном из заборов было окно, оттуда выглянул охранник, он был явно встревожен, до нас донесся чей-то голос по рации: «Проверьте второй выход», а камера наблюдения на воротах пристально уставилась на нас. Нам стало очень жарко и неудобно, тем более что трехметровые заборы не способствовали сквозняку, и мы почли за благо ретироваться.

Сейчас я езжу по Фонтану, смотрю на трехметровые заборы и не могу понять, кто там живет. Какие-то загадочные люди. Они одесситы? Ха, но им не удалось полностью скрыться за своими заборами. Гугл нам в помощь, например, очень хорошо видно, где у кого какой бассейн. Общественность должна все видеть и знать!

Черемушки – лучший район города

А сейчас дорогой читатель, он же гость города-героя, я приглашаю тебя в лучший район города. Угадай какой. Центр? Не угадал. Как может быть лучшим районом зажатое в камне место, где ходят туристы и летом плавится асфальт? Фонтан? Нет, конечно, там же зимой нет никого на улице, вся прячутся по домам, а по пустынным улицам катят волны пронзающе холодного морского воздуха, а все металлические поручни, заборы и т. д. омываются потоками влажности и гниют со скоростью увядания листьев. Жить у моря зимой – это мука. А какой же тогда лучший район? Ну не буду тебя больше изводить загадками. Лучший район города Одесса – это Черемушки, мой родной хутор Черемушки. Вот только не надо читать этих умников, этих приезжих журналюг, которые пишут, что одесские Черемушки – это якобы памятник советской безвкусице, и архитектура там якобы такая же безликая, как и во всех других «черемушках» бывшего СССР. Разве дело в архитектуре? Причем тут архитектура? И чем тебе мешают эти магистральные трубы, заботливо пущенные вдоль улицы? Ты же не знаешь, что когда они были в земле, каждые три месяца разливалось черемушкинское море, вода в котором стояла так долго, что это море успевали нанести на карты. Это было море союзного значения. Потом трубы подняли наверх, и они идут грациозно волнами и каскадами, составляя неповторимый черемушкинский пейзаж. Если тебе это не нравится, то ты просто не привык, ты не можешь понять всю прелесть этого авангардно-модернистского стиля, тебе нужно еще подучиться. Зато посмотри, сколько зелени! Где ты видел еще столько деревьев? Как они выросли за 50 лет! Мы гуляем по Черемушкам, как в лесу, дышим свежезагазованным воздухом. Да, нужно знать тропинки. У меня есть три маршрута – после сильного дождя, после среднего дождя и когда месяц не было дождя. Самый сложный маршрут – после сильного дождя. Нужно обойти все лужи республиканского значения. Это только кажется, что их нельзя обойти. Любой местный Сусанин знает те островки суши, куда можно перепрыгнуть, чтобы не промочить ноги. Кое-где лежат заботливо положенные невидимой самаритянинской рукой кирпичики. При прыжках на кирпичики у человека хорошо развиваются специфические мышцы голенисто-стопа, улучшается кровообращение, уменьшается риск простудных заболеваний. В городе уже два дня, как сухо, а на Черемушках все еще стоит вода и грязь по колено. Если в центре вы увидели человека, у которого грязь на ногах до самых коленей, а дождя уже нет три дня, то знайте, этот человек выше вас по духу, он с Черемушек, у него особая закалка. Житель Черемушек должен проявлять смекалку, уметь лавировать, и в результате чего он гораздо лучше, чем житель центра, приспособлен к жизни в нашем непростом бурлящем мире.

А когда дождя нет уже месяц, то возможности прогулок увеличиваются, можно забираться в самые потаенные уголки, закрываемые от солнца плотной тенью акаций, каштанов и тополей. Вот смотри, за детским садиком позади трансформаторной будки, знаешь что за место? А, не знаешь... Это место историческое. Это кафе «Зустріч». Это было когда-то очень уютное, располагающее к длинным беседам, место, где советские старшеклассники пили стандартное «Алиготе». Место было очень удобное – никто не видит, и к школе близко. Я не удивлюсь, если через какое-то время здесь появится табличка «Здесь было кафе «Зустріч». А может возродить кафе?

А сколько на Черемушках школ, сколько стадионов, сколько турников, сколько детских садиков, сколько простора! Есть все для того, чтобы жить и наслаждаться жизнью, дышать полной грудью. Однозначно, без сомнений, Черемушки – лучший район города.

Раз уж мы подошли так близко к моей школе, скажу о ней несколько слов. Много не буду писать, про всю школу нужно писать целый роман. Так, один смешной эпизод.

В 10-м классе наш военрук Николай Ефимович, отставник-майор, пожилой, не очень поворотливый человек, дал нашему однокласснику ключ от тира, который находился в под-

вале. Как свидетельствует история, очень опрометчивый поступок. Дал он ключ якобы для того, чтобы мы там «прибрали».

Мы и прибрали. Сразу облегчились поиски места для казенки уроков. Не надо было никуда уходить из школы, прятаться в кустах, достаточно было юркнуть в подвал. И весь этот нудный мир с учением, завучами, контрольными сразу исчезал, и появлялся таинственный мир взрослости. Но просто находиться в подвале было скучно. Поэтому там скоро появилась музыка, тарелки, бокалы и прочие атрибуты красивой жизни. Короленко, видимо, нас имел в виду, когда писал «Дети подземелья». Нас так и в школе стали называть, пронюхали, видно, девочки сказали, что мы где-то скрываемся на уроках. Но мы были хитрыми, составили график, чтобы не всем сразу теряться с уроков, ходили в подвал по очереди. Сколько времени продолжалась эта «лафа» не помню, мне кажется, что очень долго. Нам долго везло, удавалось скрыться в подвале прямо из-под носа директора. Но однажды все закончилось. У нашего военрука был второй ключ. И вот однажды, когда мы праздновали в подвале очередную ботанику, кто-то крикнул «Шухер, военрук идет». Мы стали спешно прибираться и прятаться по всяким нычкам, благо в подвале их много. Я спрятался за колонну, а кто-то из наших спрятался в большой шкаф с противогазами. Воцарилась тишина, свет тоже был выключен. В подвал медленно, покряхтывая, спускался военрук. А теперь поставьте себя на его место. Пожилой, законопослушный человек открывает подвал, свою вотчину, где находится тир, в полной тишине и темноте спускается вниз, петляет по коридору, подходит к шкафу, открывает его, а там стоит розовощекий комсомолец, и широко улыбаясь, весело и задорно говорит: «Здравствуйте, Николай Ефимович!».

Мы, умирая с хохоту, выползли как-то из этого подвала, и больше уже туда не ходили.

Дружный класс

Я часто встречаюсь со своими одноклассниками. У нас очень дружный «Ж» – класс, и мы поддерживаем отношения в течение многих лет. Они немного удивились, что я стал писателем, но не сильно, так как знали, что я на это способен. Скорее они обрадовались. Я решил их еще больше обнадежить. На нашей очередной встрече я сказал им примерно следующее:

«Друзья! Вы знаете, что я сейчас пишу, стал, так сказать, инженером человеческих душ. Своих героев я беру из жизни, некоторые из них даже носят ваши черты. Если кто-то из вас хочет стать прямым прототипом героя литературного произведения, чтобы его жизненный опыт был бы увековечен, чтобы осталась память, то это, конечно, возможно. Чего для вас, родимых, не сделаешь... Только за это нужно будет немного заплатить».

Мои друзья заулыбались, сказали что подумают. Ведь перед ними открываются такие большие возможности. Но я их еще больше порадовал.

«Но если кто-то из вас по каким-то причинам не хочет быть прототипом литературного произведения, – сказал я, – то и это возможно, вам я отказать не могу... Но только за это тоже нужно будет немного заплатить».

Мои друзья по-настоящему порадовались, что учились в одном классе с человеком, у которого возможно все и который ради друзей готов на все.

Поселок Котовского

На одном концерте в Одессе конференсье как-то пошутил: «Здравствуйте, дорогие одесситы, гости города героя и жители поселка Котовского». Но это юмор. Конечно, на поселке живут одесситы. Кто запустил эту мульку, что поселок Котовского – это не Одесса? Чтобы опровергнуть эту чушь, у нас проводились специальные исследования. Проверяли параметры всех жизненных органов жителей ПосКота, рост, вес, уровень IQ. Так вот исследования

показали, что никаких статистически значимых отклонений не наблюдается! Например, если житель центра знает сто шестьдесят четыре одесских анекдота, житель Черемушек – сто пятьдесят восемь, то житель поселка Котовского знает их сто сорок девять. Разница с лидером всего-то десять процентов с копейками! Но это еще не все. Если в числе этих анекдотов житель центра знает девяносто шесть еврейских анекдотов, житель Черемушек восемьдесят четыре еврейских анекдота, то житель поселка Котовского знает восемьдесят восемь еврейских анекдотов, что хотя и ниже, чем знает житель Центра, но выше, чем знает житель Черемушек! Объясняется это тем, что поселок Котовского находится на востоке Одессы, то есть далеко от Запада, и выехать поселковым евреям на воссоединение семей в Израиль тяжелее, особенно когда на дороге Котовского пробки.

Зато именно на дороге Котовского расположен пляж Лузановка. На остальных пляжах Одессы даже в самый длинный летний день солнце заходит за склоны самое позднее в семь часов вечера, когда оно еще достаточно высоко. Такова география, солнце заходит только на западе, и ни за какие деньги не зайдет на востоке. Солнце в Одессе купить нельзя. Но можно поехать в Лузановку и успеть поймать уходящие нежнейшие лучи вечернего солнца и полюбоваться панорамой Одессы. Откуда еще смотреть на Одессу, как не со стороны поселка Котовского?

Молдаванка

Молдаванка имеет особую славу. Еще со времен Бабеля повелось считать, что на Молдаванке живут бандиты. А раз так, то это якобы очень опасный район. Ну что вы, как можно так думать? На Молдаванке, как впрочем и везде в Одессе, живут милейшие, добрейшие люди. Они никого не обижают, ни на кого не нападают. Я работал на Молдаванке, часто ходил в ночные смены, делал свою работу и ночью пешком шел домой по Молдаванке. Тишина, спокойствие, благодать. Мы и дружили в этом же районе. Участковый на установочном совещании перед дежурством доводил до нас оперативную обстановку, напоминал о том, что в городе участились срывы шапок и что на Молдаванке каждый третий «сидел». В этом-то все и дело. Раз воры и бандиты живут на Молдаванке, значит, у себя дома они ничего красть не будут. Для этого они пойдут в другие районы. Ну, разве что свиснут запасное колесо из багажника, но и только. Ну, могут золотую цепочку с девушки снять. Но девушка сама виновата, кто ж ходит в золоте по Молдаванке? А так – это тишайший район. Помню, как на одном из дежурств нам сказали, что мы пойдем во двор Дашевского возле второй заставы. Да, на Молдаванке дворы имеют название. Кто этот Дашевский и почему в его честь назвали целый двор, я до сих пор не знаю. В этом дворе должны были состояться поминки по вору в законе, недавно убитому (конечно, убили его совсем в другом районе). Вместе с участковым мы выдвинулись на место. Это была чисто профилактическая мера. Двор Дашевского был очень узким и очень длинным, с одним входом, который был одновременно и выходом. Идеальное место, чтобы зайти и пропасть там. Мы остановились опасливо возле входа. Вышел брат покойного, переговорил о чем-то с участковым, и мы ушли. Уходя, мы видели, как со всех сторон стекались одесские воры, чтобы почтить память погибшего товарища. Так что не сочиняйте небылиц про Молдаванку, это культурный район, где живут люди, знающие цену своему слову.

Радиалка

И чтобы закончить с Молдаванкой, несколько слов о заводе радиально-сверлильных станков, где я собственно и работал сразу после института. Это было то самое социалистическое производство, которое сейчас ушло в небытие. Целая эпоха! Вообще, об этом заводе и том времени нужно писать целый роман, но на это сейчас совершенно нет времени, так как скоро

будет обед и нужно готовиться к приему пищи. Располагался завод на Молдаванке на улице со звучным именем Бугаевка. В советское время она называлась Инструментальная, но это неважно. Жизнь на заводе кипела. Мы с другом были молодыми специалистами, и нам сказали, что мы будем работать по японской системе. Про нас так все и говорили – вот ребята, которые работают по японской системе. Что такое японская система, никто не знал, я много позже, когда преподавал в высшей школе, познакомился со всеми этими «точно вовремя», «канбан» и другими японскими премудростями. Зато на заводе была установлена японская гибкая производственная линия, которая работала без участия людей. Стоила она два миллиона долларов. Я еще застал японцев, которые заканчивали ее монтировать. Ох, красивая была штука. Тележка ездил по нарисованным на полу линиям, а ее сигнальный маячок сверкал и вращался. Была маленькая проблемка – эта линия была абсолютно бесполезной, так как не встраивалась в советскую систему организации производства. Но это мелочь, зато деньги были освоены, а в цех, где стояла эта линия, ходили как на зрелищный аттракцион.

Еще вспоминаю образцы социалистического хозяйствования. В то время я был пламенным комсомольцем, и как-то меня взяли по делу в обкоме комсомола, который находился там, где сейчас находится облгосадминистрация. Как я туда попал, уже и не вспомнить. Прицепились ко мне комсомольцы с просьбой изучить экономическую ситуацию с новым обрабатывающим центром с числовым программным управлением (ЧПУ), которым занималось заводское Специальное Конструкторское Бюро (СКБ). Комсомольцы эти были серьезными ребятами, из тех, кто достиг руководящих постов и соответствующего возраста. Они говорили с очень веской интонацией. Но меня не нужно было дважды просить, я был горд, что мне поручили такое серьезное задание такие большие люди. На эти обрабатывающие центры возлагали большие надежды, их собирались продавать за границу и утереть нос капиталистам в научно-техническом соревновании. Даже обком комсомола ими интересовался. Я с блеском выполнил задание. С мандатом обкома комсомола я пошел в экономический отдел СКБ, где мне предоставили расчеты по себестоимости обрабатывающего центра. Так я получил важную цифру. Я все аккуратненько переписал и пошел (выйти на улицу, зайти в другое здание и подняться на третий этаж) в отдел научно-технической информации, который занимался конъюнктурой зарубежных рынков (тогда еще не знали слова маркетинг), где мне предоставили исследования о стоимости «буржуазных» аналогов. Так я получил вторую цифру. Математикой я и тогда владел в совершенстве, и лихо сравнил обе цифры. Оказалось, что себестоимость производимого обрабатывающего центра была в полтора раза выше цены, за которую его можно было на внешнем рынке продать.

Я изложил свои изыскания на одном листе бумаги и пошел в обком. Серьезные комсомольцы внимательно прочитали бумагу, вначале были немного шокированы, но потом пришли в себя, и стали меня благодарить: «Ну, ты, Павел, сделал такое серьезное дело, молодец, ну ты даешь». Мне крепко пожали руку, и я ушел с чувством выполненного долга. Что было дальше, не знаю, но я не слышал, чтобы кто-то приостановил производство обрабатывающего центра, ведь он был включен в план, и руководство отвечало перед коммунистической партией за его своевременный выпуск.

Справедливости ради нужно сказать, что завод довольно успешно продавал капиталистам обычные, простые радиально-сверлильные станки без всяких наворотов. Во Францию и еще куда-то.

Но не все так весело было на заводе. Недалеко от «японского» цеха была литейка – литейное производство. Мы как-то с другом зашли туда по глупости. Вот где нужно было снимать фильмы ужасов. В чадном дыму и жаре двигались с грохотом и скрежетом какие-то механизмы. С некоторых из них извергались потоки лавы в кипящие бассейны, расположенные в разных углах цеха. Пол цеха был завален металлическими обломками различных конфигураций, которые лежали в абсолютном беспорядке, мешая проходу. То и дело снопы искр озаряли это затх-

лое пространство, и тогда можно было увидеть немногочисленные фигуры рабочих, которые все были голые по пояс, и каким-то чудом управляли всем этим хаосом. Нам с другом удалось спастись. Тем не менее, я считаю, что имею право на льготы, и досрочный выход на пенсию, как человек, который в свое время один раз прошел через литейных цех.

Каждый месяц на заводе кто-то погибал. Кого-то придавило краном, кто-то куда-то упал, а кого-то убило током. Наш отдел находился возле медпункта, и мы регулярно наблюдали «скорые помощи», которые заезжали на завод. И я не помню, чтобы кого-то когда-то за это наказали, я уже не говорю – посадили. «На войне, как на войне» – говорили бывалые заводчане, когда узнавали об очередном погибшем.

Но хочется добавить ложечку меда. На Радиалке я работал в главном корпусе, где было три цеха, занимался учетом готовых деталей. Это было типичное советское производство – бардак, штурмовщина, низкое качество изделий. Постоянно чего-то не хватало из этих самых готовых деталей, и тогда все кому не лень носили отбракованные детали мимо ОТК (отдел технического контроля). Качество было вообще бичом советского производства. Но буквально через двадцать метров от главного корпуса находился пятый участок валов и шестерней. Начальником участка был Михаил Рафаилович Тейтельман. Так вот этот участок как будто существовал в другом измерении. Все детали изготавливались точно в срок, не было никаких рекламаций по качеству. В самом участке всегда было тихо, никто никуда не бегал, ни на кого не кричал, не ругался матом. Только по-деловому работали станки. А однажды, когда вдруг по какой-то немыслимой причине первый раз за два года не был вовремя изготовлен вал артикул 35035, то сам начальник участка пришел к нам в бюро учета с объяснением и сроками, когда этот вал будет изготовлен. Такой несоветский участок и несоветский начальник. Оказывается, люди важнее системы. «Кадры решают все». Это, кстати, японский лозунг.

На Радиалке я встретил такого известного в Одессе человека, как Василия Васильевича Москаленко, знаменитого одесского футболиста, лучшего бомбардира одесского футбола. Именно про Москаленко я слышал от старых болельщиков, что «Вася – единственный, кто не продал Одессу», т.е. не ушел играть в Киев или еще куда. На Радиалке он заведовал футбольной секцией, судил соревнования. Ездил на двадцать первой «Волге», к тому времени уже изрядно устаревшей модели, видимо, оставшейся со времен его футбольной славы. Как-то проходили в заводском спорткомплексе какие-то соревнования по мини-футболу. Мне удалось забить красивый гол. Недалеко от ворот соперника я принял мяч, обманул защитника и, не давая мячу опуститься на землю, вторым касанием в падении забил мяч в угол ворот. Этот мяч оказался решающим, и мы выиграли 2:1. После матча Василий Васильевич увидел меня в коридоре и сделал жест головой, подняв подбородок вверх, мол ценю, молодец. Человек он был, видимо, суровый, немногословный, да это видно и по его фотографиям, но эту бессловесную похвалу от знаменитого футболиста мне очень приятно вспомнить. Сейчас трудно сказать, был ли прав Василий Васильевич, что не «предал» Одессу, наверно прав, в любом случае, видите, я про него пишу.

Заметным человеком на «Радиалке» был Анатолий Дмитриевич Бондаренко, который работал начальником производственно-диспетчерского бюро. Уже много лет спустя, после его смерти, я узнал, что он, оказывается, был одним из ведущих туристов Одессы, объездил весь Советский Союз, до самого «магадана». Анатолий Дмитриевич был очень простым человеком, порядочным, работягой, одевался скромно, у него было четверо детей, очень добрым и веселым. Я никогда не видел, чтобы он повышал голос, а на заводе наорать друг на друга, «послать» было нормой. Он разговаривал с людьми тихо, но настойчиво. Помню, как он меня учил, что ведомости нужно заполнять очень аккуратно, цифры писать так, чтобы они читались однозначно, чтобы, как он говорил, «девушка-оператор за восемьдесят рублей зарплаты при вводе данных в компьютер не думала бы какая это цифра, ибо она все равно этого делать не будет». И когда я ошибался, снова спокойно повторял свою мантру.

Была у него одна прикольная постоянно действующая шутка. В разговоре он часто вставлял для сравнения «фаберже». Кто не понимает, что это такое, смотрите фильм Звягинцева «Левиафан». Например, Анатолий Дмитриевич мог сказать примерно такое: «Мои фаберже крепче, чем этот ящик, который они сделали». Или что-то подобное: «Лучше бы сварили суп из моих фаберже, чем из той гадости». Было очень весело. После увольнения с «Радиалки» я видел Анатолия Дмитриевича только один раз. Я мчался по Киевской трассе, заехал в город, не снизив при этом особенно скорость. И вдруг, на первой остановке, возле микрорайона Нефтянников, я увидел Анатолия Дмитриевича. Несмотря на то, что я успел пролететь, наверно, метров двести, я сдал назад, чтобы подвезти его. Ему было очень приятно.

И знаете, что еще было на «Радиалке»? Там был театр! Юмористическо-сатирический! Я там играл. Бессменным руководителем театра был Валентин Пантелеймонович Ващук. Он был простым рабочим цеха обработки в течение тридцати, а то и более лет. Но его главным помещением на заводе была комната в заводском клубе. Повсюду были развешены афиши спектаклей и представлений с подписями знаменитых актеров, которые приезжали в клуб с шефскими концертами. Я тоже играл в этом театре! Валентин Пантелеймонович учил меня премудростям актерского мастерства. Он говорил, что комедийный актер стоит выше драматического актера, так как комедийный актер всегда может сыграть драму, а вот драматический актер далеко не всегда может сыграть комедию. И еще он объяснял, что в комедии не нужно бояться переиграть. Гротеск поощряется. А вот в драме переиграть запросто. Он говорил, что Отелло должен сразу душить Дездемону, а не заниматься ерундой типа «Я сейчас тебя убью, я тебя сейчас задушу».

В театре и клубе ошивалось, включая меня, много интересных людей. И директор клуба и худрук клуба и все остальные были вовлечены в творческий процесс. Помню музыканта Владимира Яковлева с его группой «Бродячие артисты». Где он бродит сейчас?

Смешной был случай, когда одна девочка пришла к Ващуку в театр. Сказала, что ей очень нравится атмосфера высокого искусства, и она готова репетировать спектакль, но когда состоится премьера, то играть она не будет, так как стесняется. Милое создание.

А я играл в спектакле, и в доказательство у меня сохранилась афиша. Успех был грандиозный. Жалко, что вы не видели спектакля. Какую я взял паузу! Люди из зала, ломая первые ряды кресел, рвались на сцену поблагодарить артистов. Это был настоящий фурор!

Ну а потом театр сгорел. Я с завода уволился, и что было там дальше – не знаю.

Одесса в иммиграции

Из Одессы уехало столько людей, что сейчас по всему миру живет в два раза больше одесситов, чем в самой Одессе. Но невидимые нити, связывающие одесситов, остались. Социальные сети только укрепили эту общность. Те, кто уехал, не забывают Одессу. В своих новых городах и странах они называют районы, улицы и кафе одесскими названиями – «Маленькая Одесса», «Ланжерон», «Глечик». В этих кафе они попивают местное пиво и мечтают снова увидеть Одессу. Это сто лет назад люди уезжали навсегда. А сейчас можно жить на две страны. Я знаю таких, которые летают туда-сюда по несколько раз в году.

Приезжая в Одессу, одесситы-иностранцы дивятся новым названиям. Мой дядя, увидев магазин с названием Рорус (был у нас такой), прочитал его по-американски – получилось Попик. Но я вернул долг. Когда я был в Америке в гостях, я прочитал Coney Island Avenue (что читается как Кони Айленд авеню) как Соня Исланд авеню. Мы квиты.

Иммигрантов, которые приезжают в родную Одессу в гости, можно отличить по несколькими словам. Одесский язык они еще помнят, но вместо «да, ладно» они говорят «Окей». И так красиво грассируют звуки! А еще они забывают слово «фотоаппарат» и говорят «камера». Выкидывают они не мусор, а «гарбидж». Я бы на месте мусора серьезно обиделся бы. А дети

иммигрантов ходят в «каледж». Те, кто живут во франкоязычной среде, вместо привычного и нормального «добазарились» все время вспоминают какой-то «дакор».

У них у всех есть большое преимущество. То, что мы, постоянно живущие в Одессе, воспринимаем как должное, привычное, для них уже немного экзотика, возвращение в мятежную юность. Их чувства освежены, не замылены. Они заточены на все «одесское», как приезжие. Когда мой кузен и дядя приехали в Одессу, я им дал свою машину. Оформил доверенность у нотариуса. Но тогда был какой-то фокус – доверенность эта была нормальной, но вроде как к ней можно было прицепиться, так как для иностранцев как-то не так нужно оформлять. Так они ездили и мечтали, чтобы их кто-то остановил, так соскучились по нормальному общению с одесскими гаишниками. Так их задолбали эти правильные американские полицейские, которые все делают по закону. И моим родственникам повезло. Их остановил одесский гаишник, чтобы проверить документы. И прицепился, что доверенность не та. Они только этого и ждали, вспомнили былое. Вы себе представить не можете, как они были счастливы, когда мне про все это рассказывали. Спрашивают они гаишника, сколько же тебе дать. А он отвечает: «На паперти размер милостыни не назначают». Дали они ему с американской щедростью, и сказали, что сдачи не надо. А наши гаишники такие, могут и сдачу дать, например, раньше на Новый Год со ста долларов пятьдесят всем давали, все строго по таксе. Очень удобно. Хорошие были времена.

ЧМП

В самом конце улицы Ланжероновской, там, где начинается Ланжероновский спуск, находится административное здание. Сейчас здесь тихо. А когда-то... Здесь было главное предприятие города – Черноморское морское пароходство. Как видно из названия, оно настолько морское, что оно дважды морское. Какая здесь была движуха! Сновали бесчисленные клерки, завотделами, бухгалтеры, грузовая служба, пассажирская служба, всякие кураторы неизвестно чего, словом весь береговой состав. Ходили и моряки. Их всегда можно было отличить – они никуда не спешили, а на лицах у них было слегка презрительное отношение к «береговикам», никто из них не понимал, что делают здесь все эти люди.

Пароходство было больше чем фирма. В те года невозможно было найти семью, в которой кто-то не был бы как-то связан с пароходством. Как-то в конце 90-х, в Киеве, рекрутер, глядя на мое резюме, сказал знаменательную фразу: «Все в Одессе работали в пароходстве». Да, я тоже там работал.

Но сейчас там тихо. Хотя ЧМП по-прежнему числится в этом здании. Но нет сути, нет движухи. Можно упрекать кого угодно в развале ЧМП, но как человек, работавший там, могу сказать – оно не могло не развалиться. В ЧМП просто не было ни одного человека руководящей должности, который бы думал о будущем пароходства. Не было такого и в стране. ЧМП-шный клерк – это было такое особое существо, которое каждый день, каждую минуту думало только об одном, как урвать, как отщипнуть от пирога, унести себе в норку и там скушать. Этих клерков выращивали всех где-то в одном месте, так они были похожи друг на друга. Их ничего не интересовало, кроме личной выгоды. Это от одного из них я слышал ставшую впоследствии классической фразу – «Пока я куратор этого дела, я его угроблю». Что, интересно, когда он ее произнес, никого в комнате это не взволновало, к этому все привыкли. Плюс ко всему, этих клерков еще было невозможно выловить. Они бесконечно слонялись по каким-то курилкам, делая якобы там свою работу. На своем рабочем месте они появлялись ненадолго, как бы невзначай, и снова убегали.

Но как-то однажды я их встретил всех в одном месте. Дело было так. В Одессу во время круиза пришел пассажирский пароход «Максим Горький»! В тот момент это судно уже не принадлежало ни пароходству, ни Украине, путем ряда махинаций предыдущего руководства

пароходства оно, как и ряд других судов, было выведено из состава судов пароходства в собственность некой структуры, которая была учреждена еще в СССР, а потом стала российской. Некоторые горячие головы говорили, что судно нужно арестовать, но дальше слов дело не пошло. Несмотря на то, что судно уже было не украинским, экипаж был в большинстве своем одесским, с нашим капитаном. Вот это судно мне нужно было посетить во время его короткой стоянки на Одесском морвокзале. Для выполнения своей задачи мне нужно было получить разрешение капитана. Кто не знает, на любом судне капитан – царь и бог, а на пассажирском судне, он еще и диктатор, дьявол, Иисус Христос и мать родная. Я правдами и неправдами оказался в каюте капитана. Капитан сидел за своим столом, а за обеденным столом, который был роскошно накрыт, заседали все те люди, которых так сложно было найти в пароходстве. Все эти кураторы, инструкторы, начальники служб, снабжения, доения и т.д и т. п. сидели все здесь в одном месте, пили виски, закусывали, травили анекдоты и были все такими теплыми, такими добрыми, такими улыбающимися, каких их никто в самом пароходстве никогда не видел. Любо-дорого было на них смотреть. У каждого был специальный пароходский портфель, у всех одинаковый. Подозреваю, что его им выдавали при приеме на работу. В портфель могла поместиться одна бутылка виски, одна бутылка вина, одна бутылка коньяка, одна бутылка бренди, одна бутылка рома, один блок сигарет Мальборо, один блок сигарет Кэмел, две банки заморской икры, две деликатесные рыбные консервы, одна деликатесная мясная консерва. Оставшееся место заполнялось рахат-лукумом и жвачкой. Эх, какое было время!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.